

Наталья Богословская

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского», научный руководитель: д.ф.н., профессор Е.А. Попова.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

И.А. БУНИНА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.: ЛИНГВОКУЛЬТУРО- ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тема родины — одна из ключевых тем русской литературы и культуры в целом. Обращение к ней во многом обусловлено особенностями национального самосознания русского народа, спецификой его истории, обычаями и традициями, прошедшими испытание временем. Концепт «родина» так или иначе отражен во многих произведениях русской классики, в творчестве русских поэтов и прозаиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. К описанию России и быта русского народа обращались и писатели, чью жизнь и творчество затронул период революции 1917 года. Они были вынуждены покинуть пределы своей родины, но не переставали любить и ценить прошлое, историю своей страны, жизнь русского народа.

Одним из таких писателей был Иван Алексеевич Бунин. Его судьба, как судьба многих его современни-

ков, была обусловлена особенностями эпохи — переломного времени в жизни Российского государства. Эмигрировав за границу, И.А. Бунин оставался по духу истинно русским человеком, но русским — в соответствии с жизнью той России, которую он знал и ценил, в которой вырос, обычаи и традиции которой запечатлелись в его памяти неотделимо от картин русской природы.

В связи с этим интересно проанализировать специфику отражения в творчестве И.А. Бунина образа России и русского народа конца XIX — начала XX века.

Окружающая жизнь интересовала писателя с детских лет. Так, И.А. Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» пишет: *«Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, — теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события...»* [3, с. 35]. Быт, не только усадебный, но и крестьянский находит отражение во многих произведениях писателя.

В частности, особое внимание уделяет И.А. Бунин крестьянскому труду. В романе «Жизнь Арсеньева» мы находим описание пахоты: *«Из Васильевского я ехал на другой день верхом, под тихим и светлым утренним дождиком, который то переставал, то опять сыпался, среди пашен и паров. Мужики пахали и сеяли. Пахарь, босиком, шел за сохой, качаясь, оступаясь белыми косыми ступнями в мягкую борозду, лошадь разворачивала ее, креп-*

ко натуживаясь, горбясь, за сохой вилял по борозде синий грач, то и дело хватая в ней малиновых червей, за грачом большим, ровным шагом шаггал старик без шапки, с **севалкой** через плечо, широко и благородно щедры поводя правой рукой, правильными полукружиями осыпая землю зерном» [3, с. 78]. Описание процесса пахоты осуществляется с помощью использования в тексте различных историзмов и архаизмов, которые во время жизни и творчества писателя были еще общеупотребительными.

Так, любопытно использование в указанном фрагменте таких слов, как:

Пар (мн. ч. **пары́**). Данное слово использовано в отрывке из романа И.А. Бунина в значении: «Поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода или части его и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии» [5, с. 385]. Анализ словарной статьи слова «пар» по МАС позволяет сделать вывод о том, что в отрывке из романа И.А. Бунина данное слово предстает как историзм.

То же можно сказать и о слове «мужик», употребленном И.А. Буниным, согласно словарным статьям нескольких проанализированных словарей, в устаревшем значении: «В царской России — крестьянин».

В число историзмов, использованных в данном отрывке, входят также слова, обозначающие различные предметы крестьянского труда, необходимые для вспашки и сева, например:

Соха́. Земледельческое деревянное орудие для распахивания земли, широко распространенное на Руси. Соха внешне напоминает плуг, но в отличие от него не поднимает и обрачивает пласт земли, а разрывает его; вспашка сохой требовала больших усилий от пахаря.

Употребление в тексте произведения И.А. Бунина слова «севалка» имеет свою специфику. Дело в том, что использование данной лексики характерно для носителей определенных диалектов, в частности распространенных на территории современной Липецкой области. Бунин довольно часто обращался в своих произведениях к диалектизмам, относящимся к южнорусским говорам, о чем свидетельствует слово «севалка» в отрывке из романа: **Сéвалка**. Обл. Лукошко с зерном, навешиваемое на плечо при ручном посеве.

Борозда́. Длинный прорез, глубокая черта, проведенная на поверхности земли плугом или другим пахотным орудием. Данное слово входит в активный запас языка и не является устаревшим.

То же можно сказать и о словах «пашня», «пахать» и «сеять», поскольку процесс вспашки и сева характерен и для современной жизни, однако происходит с применением автоматизированного труда. Рассматриваемые слова имеют в тексте следующие значения:

Па́шня. Вспаханное поле, используемое под посевы сельскохозяйственных культур.

Пахать. Взрыхлять, переворачивая пласт земли, сохой, плугом и другими специальными орудиями для посева.

Сéять. Разбрасывать семена на подготовленную для посева почву.

Примечательно, что слово «пахарь», являющееся однокоренным для слов «пашня» и «пахать», в настоящее время уже представляет собой историзм, поскольку имеет значение: «Крестьянин, который пашет землю». Здесь и далее толкование устаревших слов, в частности, историзмов приводится с учетом словарных статей нескольких словарей устаревших слов, в частности, «Словаря устаревших слов русского языка: по произведениям русских писателей XVIII—XX вв.» Р.П. Рогожниковой и С.Т. Карской; «Словаря устаревшей лексики к произведениям русской классики» Н.В. Баско и И.В. Андреевой и т.д.

Не менее интересно с точки зрения лингвокультурологического анализа образа России XIX—XX веков и особенностей крестьянского быта рассмотреть другой отрывок из «Жизни Арсеньева», в котором описывается обмолот зерна после сбора урожая: *А в сентябре я все сидел на гумне. Пошли серенькие, бедные дни. В риге с раннего утра до позднего вечера редела, гудела, засыпала соломой и густо дымила хоботьем молотилка, бабы и девки одни горячо работали под ней граблями, низко сдвинув запыленные платки на глаза, другие мерно стучали в темном углу веялкой, за ручку крутили внутри нее дующие хлебным ветром*

крылья и все время однообразно и жалобно-сладко пели, а я все слушал их, то становясь крутить рядом с какой-нибудь из них, то помогая нагребать из-под веялки уже совсем чистое зерно в меру и с удовольствием сливать его потом в раскрытый, подставленный мешок» [3, с. 128].

К числу лексем, описывающих особенности быта русских крестьян, относятся такие историзмы, как:

Рiга. Постройка для сушки снопов с местом для обмолота.

Мéра. Русская народная единица емкости для сыпучих тел, вмещающая приблизительно один пуд зерна, а также сосуд для измерения сыпучих тел, вмещающий количество, равное этой единице емкости.

Ба́ба. Замужняя крестьянка.

Дéвка. Крестьянская девушка.

Данные слова («баба» и «девка») интересны тем, что в современном русском языке не употребляются в приведенных выше значениях, а имеют стилистически сниженный характер и используются в основном в разговорной речи или в просторечии с оттенком грубости, недоброжелательства.

Такие лексеммы, как «молотилка», «грабли», «веялка» и «зерно», не являются устаревшими, поскольку используются современными носителями языка:

Молоти́лка. Машина для обмолота различных сельскохозяйственных культур.

Гра́бли. Колодка с зубьями, насаженная на длинную рукоятку, для

сгребания сена, соломы и разрыхления огородной и садовой земли.

Вéялка. Сельскохозяйственная машина для очистки зерна после молотбы от мякины и сора.

Зерно́. Собр. Семена хлебных злаков.

В приведенном отрывке из романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» также присутствуют диалектные устаревшие слова, употребление которых дает нам представление не только о жизни крестьянства рассматриваемой эпохи, но и о региональной специфике русского языка, например:

Гумно́. Обл. Площадка для молотбы сжатого хлеба; сарай для сжатого хлеба.

Хоботье. Обл. Мякина, солома, оставшаяся после веяния хлеба.

Анализ приведенных фрагментов позволяет составить представление о быте русского народа конца XIX — начала XX века, о предметах крестьянского труда, об основных занятиях и об особенностях употребления тех или иных лексем, являющихся устаревшими, малоупотребительными или использующимися лишь в нескольких значениях в современном русском языке.

Обратимся к анализу отдельных фрагментов другого произведения И.А. Бунина, в котором также нашли отражение ключевые составляющие образа России рассматриваемого периода, — повести «Деревня». В одной из первых глав произведения можно найти описание одежды деревенских жителей: «*Носят дурновские бабы “рога” на голове: как только из-под*

*венца, косы кладутся на макушке, покрываются платком и образуют нечто дикое, коровье. Носят старинные темно-лиловые **понева** с позументом, белый **передник** вроде **сарафана** и **лапти**» [3, с. 368].*

В данном отрывке присутствуют устаревшие слова, историзмы, обозначающие предметы женского гардероба простого населения:

Понева. Домотканая шерстяная юбка, старая национальная одежда южнорусских и белорусских крестьянок. Клетчатая, полосатая п. [6, с. 722].

Лапти. Низкая обувь, распространённая на Руси в старину, и бывшая в широком употреблении в сельской местности до 1930-х, сплетенная из древесного лыка (липовые, вязовые и другие), бересты или пеньки [6, с. 634].

Однако в тексте присутствуют и лексемы, обозначающие элементы женского крестьянского гардероба, которые продолжают использоваться носителями языка:

Передник. Одежда разного покроя, надеваемая на переднюю часть туловища, преимущественно для предохранения платья, костюма от загрязнения, то же, что фартук [7, с. 235]. Примечательно, что в современном русском языке чаще используется в речи заимствованное из немецкого через польский язык слово «фартук», а «передник» воспринимается как более просторечное.

Сарафан. У русских крестьянок длинная одежда с пояском, с застежкой спереди, без рукавов (или со вшитыми рукавами из бельевой ткани) и с наплечьями [7, с. 378]. В современ-

ном русском языке произошло расширение значения данной лексемы: теперь сарафаном называется любая женская одежда в виде платья без рукавов.

Кроме того, интересно употребление в тексте слова «рога», представляющего собой диалектизм. Проанализировав данные различных словарей устаревших слов, можно сформулировать общее значение данной лексемы: Обл. Женский головной убор, кичка. Помета «обл.» свидетельствует о региональной принадлежности данного диалектизма.

Рассмотрим отрывок из произведения, в котором встречаются слова, обозначающие предметы мужского гардероба: *«Когда его поймали, он вел себя так, что им долго восхищались по всему уезду: стоит себе будто бы в **плисовом кафтане** и в козловых сапожках, нахально играет скулами, глазами и почтительнейше сознается даже в самом малейшем из своих несметных дел <...>»* [3, с. 375].

Относительное прилагательное «плисовый», согласующееся с существительным «кафтан», имеет следующее значение: сделанный из плиса: хлопчатобумажной или шерстяной ткани с длинным ворсом до 6 мм, выполненной в бархатной технике и похожей на плюш. Это слово приводится в словарях устаревших слов, значит, является устаревшим.

Существительное «кафтан» в настоящее время вышло из активного запаса языка, считается историзмом и имеет следующее значение: мужское, в основном крестьянское, платье.

Данный вид одежды был достаточно распространен в среде зажиточных людей с XV по XVIII век и позднее.

В данном отрывке находим описание русского головного убора, распространенного в XVI — начале XX века, название которого употреблено в уменьшительно-ласкательной форме: *«Попалась телега, полная решет, лопат и баб; сидя к лошади спиной, они тряслись и подпрыгивали; у одной на голове был новый детский **картузик** козырьком назад, другая пела, третья махала руками и с хохотом орала вдогонку Тихону Ильичу»* [3, с. 385].

В «Толковом словаре» С.И. Ожегова находим следующее толкование значения данной лексемы, относящегося к разряду устаревших слов русского языка: «1. Мужской головной убор с жестким козырьком, неформенная фуражка. 2. Бумажный мешок для чего-н. сыпучего (устар.). 3. Мешочек из особой ткани для пороховых зарядов (устар.)» [6, с. 227].

Интересно и отображение русских украшений и товара, распространенного в купеческой среде XIX—XX веков, в следующем отрывке из повести «Деревня»: *«Товар — зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — в рундуке. А в телеге все, что добыто в обмен на товар: дохлые кошки, яйца, холсты, тряпки...»* Несмотря на то, что лексемы, обозначающие все перечисленные предметы, входят в активный запас современного русского языка, данный фрагмент представляет собой интерес с точки зрения культу-

рологического осмысления, поскольку передает особенности городской и купеческой жизни рассматриваемого периода. Кроме того, в данном отрывке употреблено устаревшее в одном из своих значений слово «рундук». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова находим следующее толкование значения данной лексемы: 1. Большой ларь с поднимающейся крышкой (устар.). 2. Металлический сундук в корабельном помещении [6, с. 306]. С точки зрения современного русского языка слово «рундук», употребленное И.А. Буниным в повести «Деревня», является историзмом в своем первом значении.

Богато словами, относящимися к пассивному слою русской лексики, описание ярмарки в тексте «Деревни». В приводимом ниже отрывке присутствуют не только лексемы, обозначающие элементы одежды различных слоев населения, но и слова, номинирующие представителей данных социальных слоев и отдельных профессий: *«Как всегда, была пропасть барышников <...> двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучером <...> Покупателей у Тихона Ильича было много. Подходили <...> загорелые мелкопоместные дворяне в поддевках и картузах; подходил красавец-гусар князь Бахтин с женой в английском костюме, <...> Хвостов <...> в длинном мундире <...>».*

Так, существительное «барышник», относящееся к числу историзмов, имеет следующие значения:

-а, м. (устар.). 1. То же, что перекупщик. 2. Торговец лошадьми [6, с. 78].

Лексема «исправник», употребляемая в данном тексте в значении «начальник полиции в уезде» [7, с. 465], в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова имеет помету «дорев.», что свидетельствует о переходе данного слова в разряд пассивной лексики. Однако данная лексема может восприниматься носителями современного русского языка как архаизм, потому что в России титул начальника полиции области или города используется, хоть и не имеет отдельного наименования.

Историзмами являются слова: **кучер** — возница, работник, который правит запряженными в экипаж лошадьми; **гусар** — в царской и некоторых иностранных армиях военнослужащий частей легкой кавалерии **мелкопоместный дворянин** — небогатый дворянин, владеющий небольшим участком земли, маленьким поместьем, — которые обозначают соответственно представителей исчезнувшей профессии, определенного социального слоя и воинского звания, существовавшего в царской России, но не используемого в современной армии.

В приведенном отрывке интересно также обозначение одежды. И.А. Бунин использует лексемы «поддевки» и «мундир», обозначающие характерные для XIX—XX веков элементы гардероба русского человека. Согласно «Толковому словарю» Д.Н. Ушакова, лексема «поддевка» имеет два значения: 1. Мужская верхняя одежда, род легкого пальто в та-

лию с мелкими сборками. «Купец в поддевке синей». Брюсов. Кучерская поддевка без рукавов. Суконная поддевка. 2. То, что «поддевают» под другую одежду (обл.). Нет ли какой-нибудь поддевки под пальто, а то холодно [7, с. 684]. В отрывке из повести «Деревня» И.А. Бунина данное слово употреблено в первом значении и является историзмом, обозначающим одежду российского купечества.

Лексема «мундир» в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова имеет значение «военная или гражданская форменная парадная одежда с золотым или серебряным шитьем» [7, с. 571] и является устаревшим лишь в значении «гражданская одежда», тогда как продолжает использоваться в современном русском языке в значении «военная одежда»: например, военный мундир.

Таким образом, лингвокультурологический комментарий к про-

изведениям И.А. Бунина позволяет выстроить целостную картину русской жизни конца XIX — начала XX века, рассмотреть особенности крестьянского труда, предметов быта и одежды русского человека, а также специфику обозначения различных социальных слоев и профессий лексемами, перешедшими в пассивный запас слов русского языка, поскольку обозначаемые ими предметы и явления исчезли из русской жизни. Кроме того, интересно рассмотреть областные особенности употребления некоторых слов и проследить пути сохранения в современном языке отдельных лексем, использовавшихся в речи в XIX—XX веке. Текст произведений И.А. Бунина — это словно слепок с царской России описываемой им эпохи, еще не тронутой вихрем революции и гражданской войны, своеобразный музей культуры и быта русского народа.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. Стихотворения (1912—1952); Повести, рассказы (1902—1910). М.: Воскресенье, 2006. 592 с.
2. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева (1927—1929; 1933); Божье древо (1927—1931). М.: Воскресенье, 2006. 480 с.
3. Словарь русского языка (МАС): в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981—1984. 856 с.
4. Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики / Н.В. Баско, И.В. Андреева. М.: АСТ-Пресс, 2019. 448 с.
5. Словарь устаревших слов русского языка: по произведениям русских писателей XVIII—XX вв. / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. М.: Дрофа, 2008. 828 с.
6. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Аз, 1996. 928 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1995. 844 с.

*Приехал верхом с поля, весь пронизанный
сыростью прекрасного вечера после дождя,
свежестью зеленых мокрых ржей.*

*Дороги чернели грязью между ржами. Ржи уже
высокие, выколосились. В колеях блестела вода.
Впереди передо мной, на востоке, неподвижно
стояла над горизонтом гряда румяных облаков.
На западе — синие-синие тучи, горами. Солнце
зашло в продольную тучку под ними — и золотые
столпы уперлись в них, а края их зажглись
ярким кованым золотом. На юге глубина
неба безмятежно ясна. Жаворонки. И все так
привольно, зелено кругом».*

*Из дневников И.А. Бунина
3 июня 1893 г. Огневка*

